

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

Э. М. СПИРОВА

Символ в психоаналитическом исследовании средневековья

История «охоты на ведьм» в XVI–XVII вв. всегда привлекала внимание историков и философов Европы. Но после Второй мировой войны интерес к этой теме необычайно возрос. Это далеко не случайное явление. Кровавые преступления фашизма не могут изгладиться в памяти людей, историки вольно или невольно стремятся найти общий черты между давним и недавним прошлым.

С другой стороны, история преследования ведьм и колдунов — благодатная тема для применения психоанализа в истории. Характерно, что единственное исследование Фрейда, непосредственно базирующееся на документальном материале, посвящено демонологии XVII века¹. Правда, Ален Безансон, один из наиболее последовательных приверженцев применения психоанализа к истории, не упоминает в данном труде в своей программной статье. Зато католический историк Мишель де Серто посвящает работе Фрейда специальную статью. Последний считает, что именно анализ конкретно-исторической работы самого Фрейда позволяет проследить и сильные, и слабые стороны применения фрейдизма в историческом исследовании.

Серто, как и Безансон, настаивает на активном толковании исторических источни-

ков. Материал исторического рассказа может быть подвергнут анализу, цель которого — установить гетерономию в видимой однородности языка, или, проще говоря, отделить «это произошло» от «это прочитано». Такое толкование источника на базе принятых в ту эпоху символов и есть создание «истории» в ином смысле этого слова. Хотя в ходе многочисленных сопоставлений и реконструкций текста неизбежно влияние культуры историка, его взглядов и представлений на результат анализа.

Работа Фрейда «Демонический невроз XVII в.», написанная на основании конкретного исторического источника, вызывает предельный интерес. Тем более, что в настоящее время наблюдается активное использование фрейдистской терминологии в этнологии и истории. Материал, который лег в основу статьи Фрейда «Демонический невроз XVII в.», представляет собой сохранившиеся в архиве венской библиотеки рукописные документы, сообщающие о жизни австрийского художника Кристофа Хайтцманна. Из документов известно, что художник Хайтцманн в 1669 г. продал душу дьяволу, в чем покался в одном из австрийских монастырей в 1677 г., неоднократно

был преследуем дьяволом и испытывал большие мучения (конвульсии, временный паралич и т. д.), неоднократно прибегал к помощи церкви, прося избавить себя от сатанинских наваждений, в 1678 г. подвергнут специальной процедуре изгнания бесов и, в конце концов, прощен и принят в монастырь под именем брата Хризостома. Эта история не отличалась бы от тысяч подобных случаев XVI–XVII вв., если бы в деле Хайтцманна не сохранился его дневник с подробным описанием видений и символических рисунков дьявола в разных видах. История Христофа Хайтцманна даже послужила материалом для целой книги, которая может раскрыть роль символа в средневековой культуре.

Для Фрейда история Христофа Хайтцманна прежде всего интересная клиническая ситуация, в которой проявляется ряд механизмов, раскрытых психоанализом при изучении символического бессознательного. Фрейд неоднократно утверждал, что природа демонического невроза ему вполне ясна, в то же время для историков и философов демонологии XVI–XVII вв. один из сложных и неясных вопросов времени.

Можно заимствовать у Фрейда, по крайней мере, два основных положения:

1. Причиной столь распространенной амбивалентности двух основных религиозных образов — Бога и дьявола — в сознании людей XVII в. во многом было порождением привычных представлений в эпоху религиозных войн, поскольку церковь объявляла себя божественным, а своего антипода дьявольским началом. Символическое сопоставление добра и зла, Бога и Сатаны в определенной степени отражалось на отношении к государству, которое выступало в глазах народа как носитель божественного права, а порой как адская власть.

2. В основе этих двух поступков Хайтцманна, как преступления, так и покаяния, лежит одна психологическая структура — стремление обрести отца, власть, авторитет. Следовательно, здесь находит свое частное выражение конфликт, возникающий между личнос-

тью, ищущей авторитет, и постоянным разрушением этого авторитета.

Фрейд считает, что случай Христофа Хайтцманна — наглядный пример типичной невротической ситуации. Причем протекание болезни в данном случае зафиксировано с большей очевидностью, чем в современных историях болезни, поскольку XVII в. для Фрейда — это еще детство человечества. На психике того времени не висел груз последующей цивилизации, и болезненные процессы не были загнаны так далеко внутрь. Символические фантазмы Хайтцманна для Фрейда являются более цельными и четкими объектами для исследования, чем бредовые образы современного больного.

Первообраз в более позднее время размельчился и раздробился, считал Фрейд. Символ, в котором находят свое выражение определенные психологические механизмы, как бы теряет свою сущность в ходе развития цивилизации, действуя на другом уровне и в ином языковом обрамлении.

Историческая реальность является для Фрейда своеобразной историей болезни. Психоанализ заменяет привычное представление о конкретных фактах фрейдовскими первообразами или символами. Это означает, что Фрейд не познает историю, а создает ее. В процессе подобного исследования строго научный анализ фактов заменяется в значительной степени произвольным толкованием. Сам Фрейд признавал, что в основе его подхода к источнику лежит не соответствие четким критериям, а интуиция или «такт». Несовершенство метода Фрейда в истории признают многие его последователи. Один из ведущих авторитетов в области структурного психоанализа Ж. Лакан называет данный метод Фрейда «ученым незнанием».

Тем не менее в средневековье отмечено массовое распространение ведовства, колдовства. Молодые женщины особенно привержены к заступничеству нечистой силы. Неудачная любовь, ревность, борьба за любимого, стремление выйти замуж, разрушить счастье соперницы — вечные причины подобного греха. Протоколы XVII в. хлад-

нокровно фиксировали представления, рождающиеся в бреде воспаленного воображения. Существуют поразительно подробные описания дьявола, ведьм и шабаша.

В чем дело? Ведь Средневековье — время господства христианства, торжества Бога. Однако образ всемогущего «князя тьмы» и его свиты преследовал среднего француза и француженку в начале XVII в. постоянно. Церковные проповеди и популярная житийная литература, издававшаяся в то время в огромном количестве, были перенасыщены образами сатаны, демонами, ведьмами. Человеку внушали мысль, что дьявол везде, он почти всемогущ и может являться под любой личиной.

Изогненное крючкотворство со средневековыми ордалиями и пытками — таков стиль судопроизводства конца XVI — начала XVII в. Обвиненные в связи с нечистой силой были, как правило, заранее обречены. Убежденные в коварстве дьявола парламентские чиновники имели в запасе много аргументов, чтобы истолковать любое поведение обвиняемого, — сознательное и неосознаваемое, любую реакцию тела при пытках, как козни сатаны. Большинство крестьян испытывало к ведьмам ненависть, смешанную со страхом. Такое коллективное настроение крестьян в тот период было господствующим. Терпимость к ним, наблюдавшаяся в последние века Средневековья, отошла в прошлое, образ доброй колдуньи забыт. Эта импульсивная ненависть крестьян к носителям нечистой силы сочеталась с рассудочной нетерпимостью клерикалов и чиновников. Символы страха и рациональной нетерпимости выражали культурное содержание эпохи с огромной рельефностью.

В тот период появились трактаты, в которых содержалась робкая попытка отделять ведьм и колдунов от бесноватых и умалишенных. Это были малозаметные ростки нового клинического мышления. В первой половине XVII в. охотничий азарт не спал, эпидемия преследований захватила города. Большой ущерб авторитету демонологии нанесло вмешательство в процедуру заклинания врачей. У иных робких сторонников науки причудли-

во сочетались здравые рассуждения с верой в дьявольское наваждение. Одни из главных ненавистников демонологии, эрудит, вольнодумец Габриэль Нодэ считал веру в колдунов, ведьм и в слуг сатаны чувством, свойственным черни. Однако вольнодумцев, высказывающихся открыто, оказывалось немного.

Исследователь М. Сориано написал монографию о Шарле Перро — одном из видных представителей бюрократии Людовика XIV. Легкий налет рационализма лежит на волшебных сказках. Чтобы придать народным легендам воспитательный характер, Перро менял ситуацию, но делал это так мастерски, что ткань сказки не прерывалась. Именно рационализм волшебных сказок обеспечил им огромный успех, ибо соответствовал новому уровню народного мышления. Народная психология в конце XVII века хоть и находилась в значительной степени во власти суеверий, однако постоянно входила в соприкосновение с новым более значимым видом мышления.

Анализируя сказку о спящей красавице, М. Сориано видит в ней в определенной степени отражение священного предания о Деве Марии. Некоторое совпадение тональности чувств спящей красавицы и девы Марии не снизило евангельский образ. Возникла строгая иерархия чудес божественных, сказочных, выраженная символически. Чистота и благопристойность истории спящей красавицы как бы подчеркивали величие евангельского рассказа. В сказках Перро происходила трансформация другого рода: ведьмы и колдуны, бывшие кошмаром для народа в XVI и XVII вв., превращались в сказочных фей и волшебников. Снималось коллективное напряжение, происходила переоценка ценностей.

Таким образом, использование психоанализа с его толкованием символики бессознательного помогает осуществить психоисторическое исследование культуры Средневековья.

¹ Freud S. Eine Täuelsneurose im siebzehnten Jahrhundert. Gesammelte Werke. L. T. 13. P. 315–353.